
Елена ДОЛГОПЯТ

МЕТЕМПСИХОЗ

Рассказы

ДВЕ СЕСТРЫ

Собирались они долго или, лучше сказать, степенно. Встали, как обычно, в три утра, убрали постели, каждая свою. Пока младшая сестра принимала душ, старшая поставила чайник и сварила овсяную кашу. Включила радио, негромко, чтобы не потревожить соседей. Позавтракали. Младшая мыла посуду, старшая принимала душ. Оделись. Завернули в бумагу для запекания хлеб с маслом. Положили в рюкзак. Туда же положили порожнюю бутылку. Туда же положили косметичку с лекарствами. Выключили свет, перекрыли газ, перекрыли горячую и холодную воду. Посидели перед дорогой. Радио молчало. Где-то у соседей зашумела вода.

Старшая сестра перекрестилась и поднялась с табурета, младшая сестра перекрестилась и поднялась с табурета. Через несколько минут они вышли из подъезда. Младшая несла за плечами рюкзак. Старшая несла сумку на длинном ремне, в сумке лежали ключ, социальные карты, телефон, кошелек.

Они вышли из подъезда и остановились, любуясь высоким небом. На востоке розовели облака. На первом этаже детского сада, за широким окном, горел свет. Слышался дальний гул Ярославки.

Сестры прошли вдоль дома, свернули к узкой дороге, пропустили несущуюся машину и направились на другую сторону, к дачам. Она не спеша шагала к Ярославке. Птицы гомонили.

По тропинке выбрались к остановке. Стояли на обочине, ждали автобус. Мчались громадные фуры, летели легковые машины. Гул, холодный ветер.

Появились еще люди. Посматривали на часы. Автобус ходил по расписанию. Уже должен был быть. Молодой человек следил за его приближением на экране смартфона.

Минут на десять опоздает, пробка на Костинском развороте.

Автобус подошел, сестер пропустили вперед. Им повезло: первое сиденье с левой стороны, у двери, оказалось свободно, и они там устроились, как королевы. Беспрепятственно смотрели через громадное стекло на дорогу, это было похоже на чудо — ехать в большом, быстром автобусе по гладкой, плавной дороге и смотреть вперед. Через

Елена Долгопят родилась в г. Муроме. Окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (специальность «Прикладная математика») и сценарный факультет ВГИКа. С 1994 года работает научным сотрудником рукописного отдела Музея кино в Москве. Автор шести книг. Публиковалась в ведущих литературных журналах («Знамя», «Дружба народов», «Новый мир»). В 2017 году книга «Родина» вошла в шорт-лист премии «Национальный бестселлер». Лауреат литературной премии им. Исаака Бабеля и премии журнала «Дружба народов». По сценариям Елены Долгопят сняты четыре полнометражных фильма и сериал «Неопалимая купина».

полчаса катили по Сергиеву Посаду. Смотрели на дома, где высокие, а где маленькие, деревянные, с печными трубами.

Конечная.

Выбрались последними. Постояли, заново привыкая к земле и к высокому, ясному небу. Зашли в бывший «Макдоналдс», взяли чай, по очереди сходили в туалет, вымыли руки. Посидели за столом у окна, выпили чай. За соседним столом мальчишки-подростки ели бургеры и картошку фри. Сестры допили чай, выбросили стаканчики в мусоросборник и тихим шагом направились к лавре.

Время от времени останавливались, длили недолгий путь, разглядывали дома, деревья, наблюдая птиц и прохожих. Зашли в часовню, наполнили бутылку водой из святого источника. В лавре молились в храмах. Отстояли очередь мощам преподобного Сергия. Солнце поднялось высоко, народу в лавре значительно прибавилось, они ушли. У ворот достали кошелек. Раздавали мелочь просящим.

В небольшом кафе взяли чай, развернули свои бутерброды. Поели, попили, поблагодарили и направились на станцию, к автобусу. Рейс выпал длинный, через Хотьково, им это было хорошо, им нравилась дорога, хотя в этот раз места достались в середине. Смотрели в боковое окно. Поля, перелески, дома. Сошли на своей остановке, темным жутковатым подземным переходом переправились на ту сторону.

Дачи. Дорога. Двор. Детские голоса, птичьи голоса.

Дома переоделись, поставили чайник, разогрели суп. После еды смотрели телевизор. От усталости слипались глаза.

МЕТЕМПСИХОЗ

Вика едва не шагнула с платформы под поезд. Дело было в метро, в час пик. Народу полно, она протиснулась к краю. Стояла на краю и смотрела на свет, который показался в тоннеле. Вспомнила, что умирающим чудится свет в тоннеле, и подумала: шагну, проверю.

Устала бояться смерти. Вот почему.

Не шагнула.

Увидела машиниста, пожалела.

Да и всех пожалела, всю эту толпу на платформе.

Это было утром, по дороге на работу. Она опаздывала, но остановилась покурить у крыльца, в здании нигде нельзя было курить. Что за здание? Большой офисный центр на Брянской. Нотариус, туристическое агентство, издательство, салон красоты, да полно всего, включая психолога. К психологу (женщине) Вика ходила несколько раз, жаловалась на мучительный страх смерти. Рассказывала о детстве, о родителях, о первых в своей жизни похоронах (в пятом классе мальчик, сосед по парте). Но страх был раньше, раньше этих похорон, и раньше похорон бабушки, на которые ее не взяли (запомнились поминки, на которых все ели, пили и даже смеялись время от времени). Но страх появился раньше.

Во втором классе Вика читала толстую книгу (она любила толстые книги), фантастику, про полет космического корабля, читала поздним вечером, дом спал, она сидела за столом в своей комнате. В книге говорилось о бесконечности Вселенной. Вика попробовала вообразить бесконечность. Бесконечность в ее воображении была пустотой и темнотой. То есть — смертью. Вика не могла справиться с ужасом, пыталась

представить что-то другое: свет, день. Схватила за лампочку в настольной лампе, обожглась и тогда только пришла в себя. Легла в постель, но лампу не погасила, лежала, смотрела на нее.

От бесед с дамой-психологом приступы страха участились, стало накрывать даже днем, посреди разговора с клиентом (Вика работала в нотариальной конторе). Вика прекратила сеансы. Иногда встречались с дамой в лифте. Здоровались.

Когда-то студенткой Вика попробовала ходить в церковь. (Вика училась в педагогическом, после института отработала три года в школе, преподавала географию.)

Вика ходила в церковь, молилась, соблюдала посты, на исповеди говорила батюшке, что очень хочет поверить в Жизнь Вечную, потому что боится смерти, боится засыпать, кажется, что не проснется. Батюшка наказывал молиться и просить милости Божией. Вика молилась и просила. Особенно ей нравилось ходить в храм, когда службы не было, в полумраке она затепливала свечечку и смотрела на огонек. Ей думалось, что вот этот огонек и есть жизнь, маленькая, трепетная, а все остальное есть смерть, бесконечное ничто.

После утреннего соблазна шагнуть под поезд Вика боялась остаться наедине с собой. Думала позвонить Наташке, давней студенческой подруге, но не позвонила, Наташка была энергетический вампир, высасывала из человека все силы. Укорачивала жизнь.

У Вики имелся в офисном центре поклонник (вроде того). Имени она его не знала, да и ничего о нем не знала, кроме места работы: туристическое агентство на одиннадцатом этаже (слышала обрывок его разговора по телефону, по всей видимости, с клиентом). Они сталкивались время от времени в лифте, в фойе, в кафе на первом этаже — в обеденный перерыв. Пару раз она наблюдала, как он подъезжает к работе на машине. Однажды они столкнулись в вагоне метро. Наверное, машина сломалась. Или ему просто захотелось прокатиться в метро, мало ли. Да неважно.

К Вике он не обращался, не пытался заговорить, но смотрел на нее. При каждой встрече. Как будто не мог не смотреть. Как сказала бы Наташка, ел глазами.

Строго говоря, он был поклонником Вики лишь в ее воображении.

Вика это прекрасно понимала.

Она отпросилась с работы (впервые за три года): голова болит, таблетки не помогают. Поднялась на одиннадцатый этаж и вошла в агентство (офис тысяча сто десять).

Поклонник (вроде того) беседовал с клиентом. Тетка за соседним столом пригласила Вику к себе, но Вика сказала, что подождет, пока освободится Дмитрий; имя поклонника она прочла на бейджике.

Вика устроилась в кресле, из которого ей удобно было наблюдать за своей жертвой (скажем так). В простенке между окнами висела подробная карта Венеции. Вика обожала карты (потому и училась на географа), особенно старинные, с изображениями кораблей, животных, растений и фантастических существ. Почти как на этой карте (репродукции старинной). Правда, животных, растений и других существ на ней не имелось, зато были лодки и парусники.

Дмитрий говорил с клиентом, на Вику не смотрел. Вика впервые слышала его голос, мягкий, спокойный. Внимательный (как у хорошего врача из старого советского фильма). Клиент намеревался лететь в Испанию. Предстояла пересадка в Стамбуле. Дмитрий предлагал клиенту не торчать в аэропорту восемь часов в ожидании рейса на Барселону, взять билет на следующий день, предварительно забронировать в Стамбуле отель на одну ночь и воспользоваться возможностью посмотреть удивительный город.

«Я бы не согласилась, — подумала Вика. — Из вредности».

Клиент позвонил жене, посоветовался и согласился.

Оформили необходимые документы.

Клиент отправился в кассу платить, Дмитрий посмотрел на Вику и произнес:

— Прошу вас.

Вика пересела за его стол.

Сидела, смотрела, молчала. И он молчал, смотрел, не торопил.

Клиент расплатился и ушел. Тетка за соседним столом смотрела что-то в телефоне.

— Прошу прощения, — сказала Вика. И после паузы добавила его имя: — Дмитрий, — и спросила: — Во сколько вы заканчиваете работу?

— Через час. Через час с небольшим. Через час и восемь минут.

— Я буду вас ждать в кафе в торговом центре (роскошный торговый центр недалеко от их Брянской). Первый подъезд, первый этаж, слева от входа.

Побродила по торговому центру, прикупила теплые колготки (зима близко), в кафе взяла американо.

Он не пришел. Вика затосковала. Не оттого, что он не пришел, а вообще. Как говорил (умничал) ее когдатошний бой-френд, экзистенциально. Вика расплатилась за кофе, спустилась на нулевой этаж, в супермаркет, взяла бутылку водки, вышла из торгового центра. У Киевского вокзала люди ждали автобусы (бывшие троллейбусы). Вика села на скамейку, открыла бутылку, отхлебнула. В животе потеплело. Вика отхлебнула еще. Завернула крышку затолкала бутылку в сумку и направилась к остановкам. В автобусе (бывшем троллейбусе) села у окна. В дороге достала бутылку, отхлебнула пару раз. Парень сидел через проход и смотрел на Вику блестящими глазами. Вика протянула ему бутылку.

— Хочешь?

— Нет, спасибо, я из чужих бутылок не пью.

— Молодец, — одобрила широкая тетка, она сидела на сиденье лицом к парню; есть такие сиденья: одно по ходу движения (на нем расположилась тетка), другое — против.

— Это не чужая бутылка, это моя, — сказала Вика и отхлебнула из своей нечужой бутылки.

— Вы полегче, — сказал парень.

— Я полегче. Именно. — Отхлебнула. — Гораздо легче.

— Случилось что? — спросила тетка.

— Смерти боюсь, — призналась Вика (с какой-то даже радостью).

— Все боятся, — сказала тетка.

— Не все, — вразил парень.

— Давно живешь? — спросила тетка.

— Двадцать лет.

— Побольше поживи — забоишься.

— Нельзя бояться того, чего нет.

— Ну, может быть, ты ее просто еще не видел, смерть.

Вика слушала их разговор с умилением (они ей казались чудесными — и парень, и тетка).

— Видел. Тело умирает. Душа бессмертна.

— В Бога веруешь? Тогда конечно.

— Я верю в переселение душ.

— Ну. Тоже хорошо.

— Я в прошлой жизни был деревенским кузнецом. В девятнадцатом веке.

Это страшно заинтересовало Вику, и она спросила:

- До отмены крепостного права?
- Отчасти до, отчасти после.
- А как его звали?
- Иван Ефимович. Был женат на Прасковье, в девушках — Тимофеевой.
- А его как была фамилия?
- Толстый.
- Смешная.
- Там полдеревни были Толстые. Не деревни, а села. На Оке село.
- Да откуда ты все это знаешь? — изумилась тетка.
- Вспомнил. Есть такие практики, помогают вспомнить.

Вика хотела попросить: научи, я тоже хочу вспомнить. Но не успела, парень поднялся, пожелал всем доброй ночи и направился к выходу.

«В Интернете найду», — подумала Вика. От выпитого клонило в сон, и она задремала. Сон ей приснился про прошлую ее жизнь. В ней она была широкой теткой из троллейбуса (бывшего) и кормила двух черных кошек у подъезда (выдавливала из пакета на картонку кошачий корм).

Вика очнулась оттого, что тетка трясла ее за плечо.

- Вы остановку свою не проедете?
- Мне до конца.
- А мне выходить. Всего доброго.
- И вам.

Тетка подошла к дверям, Вика хотела ее окликнуть, спросить насчет кошек, но подумала: зачем спрашивать, что за ерунда. И не спросила.

Дома она выпила крепкого чая, посмотрела телик и легла спать. Снов наутро не помнила, чувствовала себя нормально.

ПРЕЦЕДЕНТ

Мои герои много читали (а еще больше смотрели) детективов и триллеров, а также судебных драм, и термин «прецедент» был им прекрасно известен. А задумали они нечто грандиозное. Немыслимое.

Самолет приземлился в Шереметьево вскоре после полуночи. Ксюша (никнейм October) и Галя (никнейм Dragon) стояли среди встречающих. Ксюша держала в поднятых руках лист А4. Надпись на листе: HOUSE. Большими буквами. Ксюше было сорок шесть лет, Гале — двадцать девять.

Девочки (так они себя называли) смотрели на поток прибывших из Америки пассажиров.

- Она не подойдет, — с тоской предрекала Ксюша.
- Посмотрим, — спокойно отвечала Галя.
- Она же не дура.
- Молчи. Пожалуйста.
- Она не знает, как мы выглядим.
- Она видела наши фотографии.
- Я никогда не могу узнать человека в реале по фотографии. Ни-ког-да.

Прибывшие из Америки люди посматривали на лист со словом HOUSE; девочки знали: все они в курсе, что это за HOUSE такой. Был 2007 год, пик интереса к сериалу.

Они заметили ее одновременно. Небольшого роста женщину, средних лет (сорок восемь, если верить Википедии). Волосы крашенные, светлые; одета в куртку серого цвета. Джинсы узкие, синие, заправлены в серебристого цвета сапоги. Небольшая черная сумка через плечо.

— Она нас не видит. Увидела. Смотрит. Улыбается. Узнала. Узнала! Улыбайся, улыбайся! Ксюша!

— Я ее боюсь.

— Не дури.

Женщина приблизилась к ним.

— Ні.

Она протянула ладонь, которую девочки по очереди пожали. Нормальная человеческая ладонь. Нормальное человеческое лицо. Косметики ноль. Глаза маленькие. Смотрят остро.

Говорили они с ней по-английски, а я напишу по-русски:

— У вас есть багаж?

— Да.

Сняли с движущейся ленты большой, серебристый, в точности как сапоги, чемодан Джесс.

— Мы на машине, — сказала Галя. — Подбросим вас до отеля. Если вы не против.

Она задумалась на миг, посмотрела на их лица. Простушка и умница — так она их для себя определила уже давно. Около года назад Галя и Ксюша стали писать комментарии в ее блоге. Восторженные, всегда почтительные, порой занятные. Девочки спрашивали, как Джесс пишет (дома или на студии, быстро или медленно), приходилось ли корректировать сценарий в угоду продюсеру (или зрителям, или кому угодно), удавалось ли отстоять какие-то существенные для нее вещи.

Они любили серии по ее сценариям, знали каждый кадр. Они воспринимали эти выдуманные истории как безусловно реальные. Более реальные, чем их действительная жизнь. Ничем, по их мнению, не примечательная. Иногда они трепетно просили передать признательность актеру. Или пересылали любительские клипы с кадрами из сериала.

Джесс писала и книги (фантастические, о пришельцах). Виртуальные собеседницы из далекой России прочитали и похвалили некоторые из них. Хотя и не столь бурно, как сценарии для сериала. В середине января 2007 года Джесс решила поехать в Россию с туристической группой, о чем и сообщила в своем блоге. Девочки попросили разрешения ее встретить.

Машина у них оказалась симпатичная — небольшой синий «форд», Галя сказала, что «форду» пять лет, совсем мальчик, бегаёт прекрасно. Она села за руль и пригласила Джесс устроиться рядом. Ксюша угнездилась (ее слово) на заднем сиденье. Щеки Гали пылали, карие глаза сияли.

На холодном и влажном ветру Джесс мгновенно продрогла и была рада скрыться в теплой машине.

Мчались по большому шоссе. Огни светили из ночного пространства и вдруг пропадали.

Галя решила объяснить:

— Это еще не Москва, это область.

Она гнала машину и рассказывала, что и сама живет в области, только в другой стороне, восточнее. Ксюша молчала. Ее немного укачивало, и она закрыла глаза.

Галя воскликнула:

— Москва!

Джесс всматривалась в освещенные улицы, в спешащего по переходу позднего прохожего. Большой, незнакомый город.

— Вы хорошо сделали, что остановились на Петровке, самый центр, но спокойно, — говорила Галина; у нее, кажется, была потребность беспрерывно что-то пояснять. — Улица прекрасная, старинная, ее надо пройти всю, включая Каретный Ряд. Почувствовать Москву. Историю.

— Да. Я читала путеводитель. Нам еще далеко?

— Мы почти на месте. У вас какие планы на завтра? На вечер.

— Пока не знаю.

— Мы бы хотели пригласить вас в наш клуб. У нас будет вечер. Просмотр серии по вашему сценарию. И обсуждение. Мы были бы счастливы.

Джесс проснулась в семь тридцать пять по местному времени. Вставать не хотелось. Зима, ночь. И не верится, что придет рассвет.

Она лежала под теплым одеялом. Светился красный огонек телевизора. Можно было дотянуться до пульта и включить. Посмотреть CNN или местные новости. Или какой-нибудь местный фильм. Послушать музыку речи.

«Неужели я в России?» — думала Джесс. Не верилось. Ее представление об этой стране не соответствовало реальности. Реальности чего? Отеля? Аэропорта? Ночной дороги? Девочек-фанаток? Они во всем мире на один лад. Примерно. Наверное.

Джесс не хотелось вставать, шевелиться, она думала, что неплохо провести отпуск лежа. Правда, для этого необязательно тратить деньги и время на утомительный перелет.

Красный огонек телевизора притягивал взгляд, тревожил.

Он смотрит не нее. Так подумалось. Смотрит упорно. Не мигая. Хищно.

Лежать расхотелось.

Джесс выбралась из отеля в восемь.

Улица как улица. Люди спешат. На работу, скорее всего.

Она стояла, смотрела. Высокая молодая женщина на ходу говорила по телефону. Бог ее знает, что именно. Джесс выучила по-русски здравствуйте, до свидания, привет, пока, спасибо, извините. Этих слов женщина не произносила. Или Джесс их не распознала в ее быстрой речи.

Джесс прошла до улицы Кузнецкий Мост. Можно было пересечь Петровку и отправиться по Кузнецкому до самой Лубянки. Или повернуть направо и дошагать по Кузнецкому до Большой Дмитровки, а затем — по Камергерскому переулку — до главной московской улицы Тверской. Джесс подумала и направилась к Тверской. Прохожих почти не было. Дома по обеим сторонам возвышались роскошные, с широкими полукруглыми окнами, старые дома из благополучного века.

На Тверской Джесс затосковала. Благоустроенный, богатый, полный жизни город почудился не совсем настоящим. Как бы миражом. Впрочем, любой чужой город, в который Джесс когда-либо попадала, виделся ей не совсем реальным. Чтобы городу обрести плоть (в ее глазах), требовалось время. Требовалась жизнь.

Она шагала по Тверской, сворачивала то в один переулок, то в другой. Устала. Дождалась на одной из остановок автобус. Молодой человек уступил место.

— Спасибо.

— Не за что.

Она смотрела в окно. Смотрела на пассажиров в автобусе. Как будто смотрела фильм. Ей мучительно хотелось проникнуть в экранный мир, стать его частью, раствориться

в нем. Вот она приближается, но изображение расплывается, и все, что она видит, это пустой экран.

Джесс определенно ехала в московском автобусе, сидела бок о бок с грузной теткой, слышала ее затрудненное дыхание, шевелила в сапогах замерзшими пальцами, видела улицу за широким окном. Она присутствовала. Но со стороны.

Ехать наскучило, Джесс пробралась к дверям и вышла на остановке.

Скопище многоэтажных домов, толпа течет к спуску под землю, в метро (большая буква М). И все они там по землей умещаются в быстрых поездах. Джесс проследовала мимо подземелья (вот уж куда ей не хотелось) и свернула во двор.

Детская площадка. Горка. Качели. Джесс устроилась на сиденье. Она смотрела на большие дома вокруг, на светящиеся и на темные окна. Из подъезда вышел мужчина и направился к машине. Он забрался внутрь, включил двигатель, затем включил музыку так громко, что Джесс слышала каждое слово, пел Фредди Меркьюри. The show must go on. Джесс удивляло, что она понимает каждое слово. Словно она должна забыть родной язык в этом непроницаемом мире.

Машина уехала. Джесс замерзла, опомнилась, поднялась с качелей. Некоторое время после ее ухода они покачивались.

В одиннадцать она уже вернулась в отель. Приняла душ, переделалась и отправилась с группой на экскурсию в Кремль. Было сумрачно, тихо и спокойно.

В шесть часов вечера синий «форд» покотил к отелю. Галя и Ксюша вышли из машины и направились в здание. Джесс, как и договаривались, ждала их в фойе. Рядом с ней стоял коренастый мужчина.

— Это Майк, из нашей туристической группы, — представила его Джесс. — Он поедет со мной. Вы не против?

— Разумеется, — бодро отвечала Галя.

Ксюша молча таранилась на загорелого мужчину в ярко-красной куртке.

— Галя, — представилась Галя Майку. — Ксюша, — указала на Ксюшу.

Майк жизнерадостно улыбнулся и пожал протянутую Галей руку. Ксюша руки не подала. Не решилась.

Сели в машину. Джесс и Майк на заднее сиденье (она предупредила, что хотела бы сесть рядом с Майком). Галя обернулась, посмотрела на них, улыбнулась, Майк и Джесс улыбнулись в ответ.

— Поехали, — воскликнула Галя по-русски и включила двигатель.

Майк не входил в их планы. Девочкам была нужна только Джесс. Посторонние исключались. От Майка требовалось избавиться. Но как? Галя вела машину и думала, думала. Дорога предстояла не самая близкая, до города Королева.

После МКАД Галя повернула к первой заправке, сказала, что ей срочно нужно в туалет, не дотерпит. Джесс и Майк тоже выбрались из машины и отправились в кафе при заправке выпить кофе. В туалете Галя закрылась в кабинке и набрала смс: «К нам прибудил мужик, американец, не пугайтесь, улыбайтесь, спугнуть нельзя, вежливость наше все, стратегия — открытость».

— Выглядите лучше, — заметила Джесс, когда Галя подошла к ним и поинтересовалась, как здесь кофе (кофе был так себе).

— Да. Полегчало.

Ксюша ждала их в машине.

Галя заняла свое водительское место.

— Все путем, — сказала Ксюше по-русски. — Расслабься. Улыбнись.

Оглянулась, улыбнулась пассажирам.

— Скоро будем на месте. Минут двадцать максимум.

Выехали на Ярославку.

— И это все Москва?

— Уже нет.

— Что ты задумала? — спросила Ксюша.

Галя не отвечала.

Джесс нравилось, как она вела, быстро, аккуратно, без рывков. Показалась ракета на постаменте.

— Почти на месте.

Пятиэтажный дом из светло-серого кирпича; число «1970» с торца, под крышей, выложено из красного кирпича.

— Год постройки, — объясняет Галина.

Во дворе между небольшими столбами натянута веревка, на них висит бельё.

— Зимой прекрасно сохнет, особенно в мороз.

За штaketником в детском саду бегает, возится в снегу малышня, их голоса звенят.

— Меня тоже когда-то сюда сдавали. До сих пор помню запах манной каши. Брр.

Она останавливает машину.

— Третий подъезд. Прибыли.

Выбираются наружу. Галя поднимает голову и машет кому-то за каким-то окном.

— Нас ждут.

Говорит она весело. Распахивает перед гостями дверь на пружине (домофоны здесь еще не прижились). Гости вступают в полумрак подъезда.

— Четвертый этаж. Лифта нет.

Каменные, исхоженные ступени, на площадках кафельный пол, стены выкрашены зеленой масляной краской, порядком облупившейся. На площадке между вторым и третьим этажами курит небритый мужик в спортивных штанах с обвисшими коленями. Голубая выцветшая майка неровно заправлена. Мужик стоит у окна. На подоконнике — жестянка из-под кофе, в нее он стряхивает пепел.

— Здравсьте, дядь Миш, — бодро произносит Галя.

Мужик выпускает дым и хмуро отвечает:

— Здравсьте.

Они поднимаются, а он смотрит им вслед.

Дверь на четвертом этаже уже открыта, их ждут.

Тесная прихожая. Худенькая блондинка предлагает гостям тапки. Смотрит она испуганно.

— Это наша Верочка, — говорит Галина.

Верочке лет сорок, пахнет от нее каким-то лекарством. Потом за накрытым в маленькой кухне столом выяснится, что Верочка имеет отношение к медицине, работает медсестрой в зубо-врачебном кабинете в местной поликлинике, где всегда толпится очередь, а за талончиком в регистратуру приезжают загодя, топчутся перед еще закрытой дверью поликлиники при любой погоде, лишь бы не напрасно, лишь бы достался талончик.

Кроме Верочки, дожидались заграничных гостей румяная Маруся — учительница физкультуры — и юная Рита — ученица десятого класса той же школы. Рита молчала и не сводила с Джесс глаз. Как-то раз в дорожной забегаловке в Техасе один из посетителей вот так же упорно смотрел и смотрел на Джесс. Она пересела со своим кофе

так, чтобы оказаться за его спиной. И теперь уже она смотрела на него (на его спину), пока он наконец не поднялся и не направился к выходу. Джесс видела из окна, как он забрался в здоровенный грузовик и покатил прочь.

На столе были бутерброды с колбасой и сыром, торт, конфеты в вазочке. Джесс сказала, что не голодна, а Майк сказал, что не откажется ни от чая, ни от бутербродов и торт попробует, он любит именно такой, шоколадный. Он ел с таким аппетитом, что Джесс не выдержала и тоже попросила чая.

— Молодец, — похвалил жизнерадостный Майк и протянул ей бутерброд с сыром.

Джесс взяла из вежливости.

Сидели они тесно за небольшим, придвинутым к окну столом. С одного бока Майк и Джесс, с другого уместились худенькая Рита (смотрела упорно), чернобровая Маруся, лекарственная Верочка, а напротив окна — Галя и Ксюша. Пили чай, ели. Галя рассказывала, что это ее квартира, досталась от бездетной тетки, повезло. Здесь они собираются время от времени, смотрят свежие серии, обсуждают.

— На сайте общаться не то, что в реале, совсем не то. Какие-то все время недопонимания. А здесь мы видим друг друга, как-то иначе все воспринимается, когда непосредственное общение. Но клуб у нас закрытый, только мы.

— А почему мальчиков нет? — поинтересовался Майк, захвативший второй кус торта.

— Так уж. Не нарочно. Мало их на сайте. Есть, но мало. Лично меня никто не заинтересовал.

— А Sirin? — напомнила Маруся.

— Sirin интересный, да, но живет далеко, в Питере. Я с ним там виделась в октябре. Хорошо поговорили. Но он бы все равно сюда не пришел, даже если бы жил в соседнем доме. Точнее, я бы его не позвала. Не сегодня. Сегодня ему здесь не место. Потому что сегодня у нас особенная встреча. Ксюша, расскажешь?

— Лучше ты.

— Хорошо. Если что, поправишь меня. Значит так. Дело было в 1979 году. То есть двадцать восемь лет назад. Ксюше было восемнадцать лет. Чуть старше нашей Риты. Тогда по телику показали один фильм, детектив, тоже сериал, только маленький, всего пять серий.

— Погоди, — вдруг попросила Ксюша, — я сама.

Галя удивилась, но сказала:

— Конечно.

— Да. Лучше сама. Потому что тут надо понимать. Только я буду по-русски, а ты переводы. Надо пояснить некоторые вещи. Про тогдашнюю жизнь. Тогда не было Интернета, персональных компьютеров, телик был единственным. Единственным окном, что ли. То есть были еще кинотеатры. Но в домах только телики. Две-три программы, может быть, четыре. Новости всякие, классическая музыка, путешествия, «Спокойной ночи, малыши». Хорошие фильмы показывали редко. Особенно такие, с убийствами. Не знаю почему. Понятно, что хорошие фильмы нечасто получают. Сейчас тоже много ерунды гонят. Этот фильм все смотрели. Вся страна. Улицы пустели. Сейчас такого и быть не может, ни по какому поводу. И вот в семьдесят девятом начали показывать «Место встречи изменить нельзя». Фильм. Пять серий. Я его не просто смотрела, я чуть с ума не сошла. Еле доживала до следующего вечера, до новой дозы. Мне там не все нравилось. И не все. Но главный герой, он мне не просто нравился, он для меня был живым, живет девчонок, которые сидели со мной у телика. Я тогда жила в общежитии, а телик мы взяли напрокат. И холодильник. Неважно. Я смотрела и только ждала, когда он появится на экране. Меня можно было в этот момент за ухо дернуть, я бы не особо почувствовала.

Ксюша время от времени прерывалась, переводила дух, Галя переводила. Английский она знала превосходно благодаря одному парню из Манчестера, слависту, он проходил практику в Москве.

— Девчонки мое безумие не разделяли, смотрели и смотрели, переживали, конечно, увлекались, ждали следующую серию, но совсем не так, как я. Спокойнее. Для них это был вымысел, а для меня реальность. Главный герой стал для меня реальным. Я им заболела. Он затмил. Затмил живую жизнь. Если бы тогда был Интернет и можно было бы скачать серию и смотреть ее сколько угодно раз, с любого места, я бы пропала. Но я могла только вспоминать. А воспоминания — штука ненадежная, их надо подпитывать чем-то реальным. Сессию я сдала нормально, на зимние каникулы решила уехать куда-нибудь, только не домой. Отвлечься. Решила на юг. Кто зимой едет на юг? Я. Поезд. Автобус. Городишко. Пустынный пляж. Море холодное. Ветер. Я как приехала, зашла в магазин и спросила продавщицу насчет койки. Она на меня посмотрела и сказала: у меня свободна. Она жила в частном доме. Там глухие заборы прямо на главной улице. За заборами садики. Дома. Собаки бегают. Кошки. У продавщицы дом оказался небольшой: две комнаты и чулан. Терраска. Но это все лишние, наверное, подробности. Короче, мы договорились, я погуляла по городу до вечера и пришла к ней. Чай выпили, и я попросилась спать, глаза слипались. И она меня отправила в мою комнату-закуток, я легла и тут же уснула. Проснулась от его голоса. Он говорил за стеной, мой герой. Про то, как батя его увел со двора корову. Я подумала, наверное, это у них местное телевидение транслирует. Выбралась из постели и пошла на голос. И точно: работал телевизор и показывал фильм, а продавщица сидела и смотрела, но не одна. Она сидела на диване, а на полу, на половике, сидел парнишка, и вот они вдвоем смотрели. Я, ни слова не говоря, села тоже на диван. И мы смотрели втроем. Я почувствовала, что они смотрят в точности как я. Так же сосредоточенно. Они потом говорили, что даже не заметили моего появления. Я бы могла спокойно их обокрасть в это время, если бы только хотела. Они были не здесь, а там, с тем человеком. И я к ним присоединилась. И наверное, поэтому все произошло. Он вдруг появился перед нами, в комнате. Стоял и загораживал экран. Я до сих пор помню запах. Гуталина, папирос, пота.

Ксюша замолчала. Галя перевела и тоже замолчала.

— И что было дальше? — спросила Джесс.

— Ничего. Он изумленно посмотрел на нас, хотел что-то сказать и вдруг исчез. Не враз. Стал прозрачным — мы увидели сквозь него бегущие на экране титры — и растаял. Как не было. Но запах, запах оставил после себя.

— Это ваша фантазия, — предположила Джесс.

— Возможно, — не спорила Ксюша. — Но не только моя. Продавщица и парнишка, ее племянник, они тоже его видели.

— Коллективная галлюцинация.

— Возможно.

Галя вступила в разговор:

— Как бы то ни было, мы решили повторить этот опыт. Тем более что нам повезло с вашим приездом. Вы автор героя. Для вас он гораздо более. Объемный, что ли. Вы о нем больше знаете, чем мы.

— Наверяд ли. Потому что каждый знает свое.

— Но он для вас несомненно существует.

— Пожалуй. Когда пишу.

— А когда смотрите? Вы говорили, что в этой серии он для вас более чем реален.

— Я не совсем так говорила.

— Хорошо. Пусть. Но вам же не сложно. Просто сесть с нами, сосредоточиться и посмотреть эту серию про долгий сон.

Джесс молчала.

— А вы, Майк, на этом сеансе присутствовать не должны. Здесь могут быть только такие, как мы. Во дворе есть кафе, не бог весть что, но переждать часик можно.

Майк посмотрел вопросительно на Джесс. Она оглядела девчонок.

— Зачем вам это?

— Хотим, чтобы он нас увидел — так после паузы ответила румяная Маруся.

Через час Джесс зашла в бар. Майк пил пиво и смотрел трансляцию футбольного матча.

— Неплохо проводишь время, — заметила Джесс.

— Как все прошло?

— Никак.

— Взять тебе пива?

— В другой раз. Нас машина ждет.

Галина молчала за рулем. Ксюши с ними не было, она уехала на автобусе к себе в Болшево.

Майк задремал, Джесс отвернулась к окну.

Она не призналась, что видела его. Нет, он не загораживал экран. Едва проступил в воздухе. Стоял со своей тростью и ошарашенно смотрел на нее, на Джесс. Какой-то миг, но он существовал.

Никто больше не заметил, никто.

СИНОПТИК

В одной стране синоптики вечно ошибались в прогнозах.

Синоптиков увольняли, брали на их место новых, новые ошибались не хуже старых. Возникло целое сообщество уволенных синоптиков. У них был клуб (вход строго по пропускам), касса взаимопомощи, сайт. Они издавали даже ежегодники прогнозов, в которых объясняли непросвещенной публике, отчего точный прогноз такого-то числа такого-то месяца оказался неточным. Очень просто: даже супертехнологии не в состоянии учесть все факторы, влияющие на погоду.

Многие сочувствовали синоптикам. Пока не появился человек, который не ошибался в прогнозах. Никогда.

Славик, так его звали. Среднего роста, широкий в плечах, смуглый, кареглазый, неразговорчивый. На работу в Главный метеоцентр страны вечно опаздывал, подолгу пил черный чай без сахара, затем разгадывал кроссворд в газете, которую брал в метро. Собственной машины у Славика не имелось, он пользовался исключительно общественным транспортом.

Все эти и другие подробности об удачливом синоптике вывели и обнародовали журналисты.

К концу рабочего дня Славик давал прогноз на следующий день (набирал текст и отправлял начальству по электронной почте). Но как, каким образом он знал достоверно, что завтра в шесть утра начнется мокрый снег, а в девять часов десять минут уже закончится, в то время как программа предсказывает, что снег будет валить целый день?

Славик и сам не знал ответ на этот вопрос. Так уж как-то. Само собой. Писал, что на ум придет, и все сбывалось. Он, кстати, пробовал таким же образом предсказывать валютный курс, но ни разу не угадал. А вот погода ему как будто сама про себя нашептывала. Как муза нашептывает поэту. Или, может быть, напевает.

В прежние времена Славик трудился электриком в ремонтной бригаде, погоду предсказывал только домашним. Говорил, к примеру, жене: Маринка, зонт возьми, завтра в три ливанет. И Маринка всегда его слушалась и брала зонт. Она работала воспитательницей в детском саду, там у одной девочки в ее группе был папа, врач по профессии, Маринка ему пожаловалась на бессонницу, он посоветовал гулять перед сном, и Маринка стала гулять, врач тоже гулял перед сном в этом же районе, а Славик гулять не мог, ему не хотелось.

Маринка ушла от Славика к врачу. Славик затосковал. Увидел в газете, которую брал в метро, объявление «ищем синоптика» и решил стать синоптиком, самым лучшим. Он надеялся, что тогда Маринка бросит врача и вернется к нему. Но Маринка не возвращалась. В конце концов Славик впал в уныние и стал ошибаться в прогнозах.

Он уволился и подался на Северное море рыбаком.